

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
Ж У Р Н А Л
ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ
КРИТИКИ
И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

К Н И Г А
П Е Р В А Я

Г О С Л И Т И З Д А Т
1 9 * Я Н В А Р Ь * 3 5

БИОГРАФИЯ ЧЕХОВА¹

Работа по созданию биографии замечательного человека складывается из двух частей: из подбора достаточного количества необходимых материалов и из органического преобразования последних в стройное жизнеописание. На поверхностный взгляд кажется, что первая часть этой работы является чем-то подсобным, во всяком случае менее трудным и ответственным, чем вторая. Но это — не так. Те, кому приходилось работать в данной области, знают, какой дремучий лес разнородных фактов и вымыслов разрастается вокруг имени крупного деятеля культуры, как легко в нем заблудиться, как трудно отделить существенное от маловажного, характерное от ничтожного, правду от ее извращения и т. д.

Надо отдать справедливость Ю. В. Соболеву: эту первую часть работы он выполнил превосходно. Из огромного количества материалов, составляющих так называемую «чеховиану», он отобрал все наиболее ценное и характерное, не упустив ничего существенного. Жизнь Чехова в семье, гимназическая и университетская среда, мир мелкой прессы восьмидесятых годов, в которой подвизался Чехов — начинающий писатель, выход

его на арену большой литературы, общественные связи писателя, чеховский театральный быт, факты личной жизни, склонности, вкусы, привычки, стремления Чехова, наиболее значительные моменты его творческой биографии. — Все это иллюстрируется Ю. В. Соболевым с тем знанием дела, какое дается лишь многолетним внимательным трудом в определенной области.

Несколько иное приходится сказать относительно использования мобилизованного автором биографического материала. Здесь прежде всего не чувствуется того стержня, к которому были бы прочно прикреплены разнородные биографические факты и сведения, нет их объединяющего начала, нет твердого законченного рисунка фигуры Чехова. Автор идет от частности к частности, адиное скрепляя их рассуждениями. Но оттого, что в основе этих рассуждений нет единого центра, они в конце концов не складываются в жизнеописание и нередко даже оказывают сопротивление автору, когда он пытается подкрепить то или иное положение. Отсюда же вытекают и внутренние-противоречивые высказывания автора по одному и тому же вопросу. В его книге нет органичности.

Укажу в качестве примера два его высказывания о темпераменте Чехова. В одном случае, при построении сложной и довольно искусственной гипотезы о причинах неудачи одного личного романа

¹ Серия биографий. Жизнь замечательных людей, выпуск XV—XVI. Юр. Соболев. Чехов. Журналино-газетное объединение. М. 1934 г., 336 стр., ц. 3 р.

Чехова, Ю. В. Соболев доказывает, что от правдившейся ему женщины Чехов «ушел, испугавшись страсти, которая могла бы войти в его спокойную жизнь и помешать работать». В соответствии с такой поразительной рассудочностью объясняет Соболев уже иной финал романа Чехова с О. Л. Кишипер: «Впервые захотел Чехов жить полной жизнью».

Человек, отказывающийся от любви во имя спокойной жизни и работы и лишь в возрасте сорока лет «впервые» захотевший жить полной жизнью, казалось бы, это чистейшее олицетворение бесстрастия. Но перелистайте несколько страниц и вы встретитесь с такого рода характеристикой Чехова: «Это был человек большой воли, страстной жажды жизни» и т. д.

Или вот, например, понадобилось Соболеву доказать, что там, где Чехов выступал за пределы небольшой психологической повелли, его постигали неудачи. Но у Чехова, как известно, есть ряд крупных повестей, есть большие пьесы, — как быть с ними? Приходится прибегать к натяжкам: Ю. В. Соболев безапелляционно заявляет, что «все большие повести Чехова: «Дуэль», «Три года», «Моя жизнь», «Мужики» — построены плохо». Почему композиционный шедевр «Дуэль», почему классическая повесть «Моя жизнь», почему сжатая, скупая и впечатляющая вещь «Мужики» — почему все они «построены плохо» — Соболев даже и не пытается доказывать. Кстати бы уж прибавить к этим «плохим» построениям вещам и недостижимую как раз в композиционном отношении «Палату № 6».

Для того, чтобы подкрепить свое странное положение о композиционной слабости чеховских пьес (сценарий которых, по мнению Соболева, «рыхл и раскисливчат»), автор ставит вопрос: «руководствовался ли сам Чехов какими-нибудь ясно им осознанными законами при построении своих пьес». После сказанного выше ответ Соболева можно предвидеть: «Вряд ли». Но к нашему удивлению мы далее находим ряд аргументов, не подкрепляющих, а разрушающих это лаконическое «вряд ли».

Во-первых, «его заботят чистота языка и отсутствие шаблона». Далее, «сюжет должен быть нов». Еще далее — «ничего случайного, ничего осложняющего фабулу». «Нужно, чтобы с каждым явлением число лиц росло по прогрессии». Его заботят продолжительность каждо-

го действия». «В драме не надо бояться фарса». И т. д. и т. д. Почему, приведя этот ряд ясных принципов построения драмы, Соболев тем не менее отрицает у Чехова осознание законов при построении пьес, понять невозможно.

Еще пример: в одном месте, характеризуя политические воззрения Чехова, Соболев утверждает, что «Чехов не шел в своих идеалах дальше конституции». Но в другом месте это не помешало ему характеризовать Чехова «человеком огромного социального оптимизма», а в третьем отметить, что спутники Чехова в его заграничном путешествии, Суворин и Мережковский, «не уловили самого важного в его восприятии: негодования на «цивилизацию», т. е. на ее социально-несправедливые основы. И все эти противоречия остались автором незамеченными только потому, что избранный им фрагментарно-мозаичный метод построения биографии Чехова не дал ему в руки того компаса, того объединяющего начала, которое в самом себе заключает гарантию органической зависимости частного от целого.

Вторым существенным недостатком рецензируемой книги является печать некоторой небрежности или торопливости, которая на ней заметна. Вот несколько примеров.

Характеризуя раннюю публицистику Чехова — его фельетоны — «Осколки московской жизни», автор замечает: «Чехов не поднялся в своих фельетонно-осколочных писаниях на уровень, резко отличающийся его от собратий по перу, работающих в юмористической прессе. Объяснение этому следует искать в том, что в пору этого шатания по журнальчикам Чехов еще не переживал процесса «выдавливания рабьей крови». То мещанство, которое мы на протяжении всей его жизни видели борьбу, раз навсегда кончив с традициями косной среды, — в мещанство еще проявлялось в Чехове в эпоху работы для «Осколков». Но в его маленьких рассказах уже звучала ненависть к тупой сытости, к пошлости, к обывательщине. В чеховских новеллах вставал опозоренный и уничтожаемый человек, и та могучая сила подлинной сатиры, которая совершенно отсутствовала в «Осколках московской жизни», чувствовалась в беллетристике Антоши Чехонте».

Это, разумеется, не объяснение, а т. ропкая «словесность». Если насыщенные «подлинной сатирой» повелли Чехо

на писались в то же время, что и проникнутые мещанством «Осколки московской жизни», то, стало быть, то или иное количество «рабьей крови» в жилах Чехова здесь роли не играет. Одно из двух: либо надо искать объяснения в самой специфике того и другого жанра, либо (что вернее) отказаться от противопоставления их, исходя из наличия мещанства и «рабьей крови» у Чехова.

Характеризуя импрессионистический прием передачи пейзажа в ранних вещах Чехова, Соболев приводит два иллюстрирующих отрывка из его рассказов «29 июня» и «Барыня» и при этом замечает: «Что этот прием был приемом уже вполне осознанным молодым Чеховым, свидетельствует мысль, высказанная им в письме к брату Александру. Тут же письмо это цитируется и снабжается датой: 1886 год, 10 мая. Но и «29 июня» и «Барыня» появились в 1882 году в таком образом письмом от 1886 г. нисколько образом не могут свидетельствовать, что четырьмя годами ранее рекомендуемый в нем прием был уже вполне осознан молодым Чеховым.

Рассказывая о болезни Чехова, сведения его в могилу, Соболев приводит отрывки из его письма: «Враг, убивающий тело, обыкновенно подкрадывается незаметно, зы маска, когда вы, например, боитесь чахоткой, и вам кажется, что то не чахотка а пустяки. Я знаю, что умру от болезни, которой не буду бояться».

«Что это — пророчество? — спрашивает Соболев и отвечает: нет. Вполне ясное отношение к своей болезни: он знал, чем он болен. Поэтому, говоря о болящих чахоткой, которым кажется, что это пустяки, Чехов говорил о самом себе: «Я знаю, что умру от болезни, которой не буду бояться».

Ю. В. Соболев явно не уделил внимания в то, что он написал. Если Чехов знал, чем он болен, то стало быть в приведенном письме он старался написать бессмыслицу. Ведь фраза «Я знаю, что умру от болезни, которой не буду бояться» и написана-то как аргумент, что человек не знает врага, убивающего его тело. К тому же из биографии Чехова хорошо известно, что о характере своей болезни он догадался очень поздно. Цитируемое Соболевым письмо относится к 1893 году, а между тем брат Чехова сообщает, что в 1897 году, когда после припадка кровотечения писателя поместили в клинику, то навестившая

его сестра застала его ходившим взад и вперед в халате и говорившим: «Как это я мог прозевать у себя притупление?».

Ничем иным, как торопливостью, невозможно объяснить чисто фактические промахи автора, прекрасного знатока Чехова, при изложении тех или иных вещей последнего или отдельных из них эпизодов, причем не всегда эти промахи мелки. «Все персонажи Дяди Ваня — пишете, например, Соболев, — охарактеризованы их лейтмотивами: «мотив» Астрова — леса, Войничского, до катастрофы в третьем акте, — преклонение перед профессором, а затем — страстная к нему ненависть». Раскройте однако «Дядю Ваню» и прочтите в первом же акте реплики Войничского о профессоре: «старый сухарь, ученая вобла», «я его ненавижу» и т. д. Самая острая ненависть, презрение характеризует отношение к профессору со стороны Войничского с первого момента появления последнего в пьесе!

Излагая «Дочь Альбиона», Соболев пишет: «Добродушный помещик удит рыбу и, жалуясь на прыщи, от жары появившиеся на его жирной спине, раздевается — показать приятелю. А в двух шагах — англичанка — гувернантка детей помещика. Его одергивают, а ему все равно — ведь это англичанка, она все равно ничего по-русски не понимает. Кроме того, она лицо подчиненное. Стоит ли стесняться гувернантки?».

Здесь все неточно, а отчасти и комично-неточно. Фраза «ведь это англичанка, она все равно ничего по-русски не понимает» лишена смысла в передаче Соболева, потому что понимает ли она по-русски или не понимает — в данном контексте не имеет значения: ведь говорится о том, что помещик раздевается, не стесняясь присутствием женщины. Иное дело у Чехова: там помещик бранит англичанку, оправдываясь ее незнанием русского языка. Затем у Чехова помещик раздевается для того, чтобы отцепить застрявшую в камне удочку, а не с целью показать прыщи на спине (у Чехова — сыпь на груди). Наконец, у Чехова центр тяжести в животном национализме помещика («это, брат, ей не Англия!»), а не в ее подчиненном положении. Напротив, помещик сознает, что она-то именно и чувствует свое превосходство над ним, как над варваром.

«Выводят честного человека с веселой свадьбы — почтенного старика» — излага-

ет Соболев рассказ «Свадьба с генералом». Старика не выводят, он сам с достоинством удаляется, поняв, что его пригласили в качестве «украшения», уплатив за это кому-то деньги.

О рассказе «Толстый и тонкий» «Толстый», — пишет Соболев, — достиг степеней известных и стал действительным статским советником». У Чехова мы читаем: «Ты как? Небось уже статский, а? — Нет, милый мой, поднимай повыше, — сказал толстый. — Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею».

Говоря о письмах Чехова из Петербурга от 1898 года, Соболев замечает, что «это письма человека, у которого закружилась голова от первых успехов». Между тем еще о своей первой поездке в Петербург Чехов писал двумя годами ранее: «В Питере меня так приняли, что потом месяца два кружилась голова от хлебного чада».

Из той же области хронологии биографических фактов: «Он писал водевили — указывает Соболев — еще в пору своего шатания по юмористическим журнальчикам: «О вреде табака», «Трагик поневоле». Это неверно: «Трагик поневоле» написан в 1889 г., когда шатания по юмористическим журнальчикам остались уже далеко позади.

В 1889 году — пишет Соболев — Чехов написал «Припадок» (для сборника памяти В. М. Гаршина), «Скучную историю» («Северный вестник» № 11), на-

печатал в том же «Северном вестнике» переработанного Иванова» и пьесу «Леший». Неверно и это: «Леший» ни в «Северном вестнике» ни в другом месте при жизни Чехова не появлялся.

Ордена «Владимира Первозванного» (стр. 188) в России не существовало, равно как и не было звания «гласного управы» (стр. 189); были гласные земства и были члены управы.

Приведенных примеров вполне достаточно (их можно еще пополнить), чтобы признать наличие небрежности в рецензируемой книге. Повидимому, для ее автора не были созданы необходимые условия вдумчивой и планомерной работы, потому что иначе, при его знании предмета, большинство, если не все отмеченные промахи были бы, несомненно, замечены им самим. Отметим кстати недопустимость таких отпечаток, как например, на стр. 256, где дата «31 декабря 1901 г.» вместо «31 января» создает величайшую путаницу в последовательности биографических фактов, или обозначение «1895 год» вместо «1875» на фотографии семьи Чеховых.

В заключение необходимо указать на первостепенное значение впервые опубликованных Ю. В. Соболевым биографических материалов, касающихся отношений Чехова и А. С. Мизиловой (см. главы «Лица» и «Гина Заречная»).

Внешность книжки приятна. Подбор иллюстраций сделан очень удачно.

А. Дерман